

УДК 808.2
ББК 81.2

Т.А. Сироткина

МАРКЕРЫ «ЧУЖОГО» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Рассматривается этническая маркировка явлений авторами художественных текстов. Делается вывод о том, что не только сами этнические имена, но и различные образования от них, в частности, отэтнонимные прилагательные, являются средством вербализации категории этничности, существующей в языковой картине мира. Писатель, являясь носителем национальных стереотипов, отражает в художественном произведении определенные черты национальной картины мира, через этническую маркировку явлений реализует оппозицию «свое – чужое».

Ключевые слова: *картина мира, этнонимы, стереотипы, концептуальная область.*

Сироткина Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Сургутского государственного педагогического университета

Тел.: 8-912-417-46-27

E-mail: sirotkina71@mail.ru

© Сироткина Т.А., 2012.

Оппозиция «свой – чужой», присутствующая в наивной картине мира, неоднократно становилась предметом научного описания (см. [Анисимовва, с. 11 – 15; Березович, с. 70 – 85; Красных; Пеньковский, с. 54 – 82; и др.]). Данная оппозиция исследовалась нами на примере функционирования этнонимов (названий народов) в диалектной речи русских жителей Пермского края [Сироткина, с. 239 – 243], в результате чего были сделаны выводы о том, что концепт «этнос», образующий категорию этничности, состоит из таких концептуальных областей, как «язык», «внешний вид», «материальная культура», «духовная культура» и т.д.

Не менее интересной для исследования, на наш взгляд, является этническая маркировка явлений авторами художественных текстов. В художественной картине мира могут отражаться особенности национальной картины мира. В этом смысле писатель выступает как носитель определенных национально-культурных стереотипов.

Носителем русских национально-культурных стереотипов является, например, пермский писатель Алексей Иванов, который в интервью с Г.М. Ребель говорит: «Когда я бывал в тех местах, на севере Пермской области, где разворачивается действие романа, у меня рождалось ощущение мистики: она разлита в этой природе, в этих горах, пнях, вековых лесах. Это все интуитивно воспринимается как страшное, как дремучее, как что-то мудрое... Я вот сам – человек реки. Русские люди – это люди реки. А финно-угорские племена – это

люди лесов. Это разные менталитеты, и нам у них – страшно» [Иванов, 2004, с. 14].

При создании художественного текста не может не всплывать эта категория «чуждости» (термин А.Б. Пеньковского) – этническую маркировку получает все то, что кажется авторам непривычным, чужим: «– Опять диковина вогульская?» [Строганов, с. 18].

Если в речи диалектоносителей, по нашим наблюдениям, чаще актуализируется область «внешний вид», то в художественном дискурсе на первый план выходит концептуальная область «вероисповедание, мифология». Так, отэтнонимное прилагательное «вогульский» маркирует такие явления, как бесовщина, (бесовство, бесы), бубны, ведовство, великанша, вера, демоны, идол (идолок, идолы), искушения, камлание (камлания), кобёлы, мленье, мольбища, нежить, нечисть, святыня, чамьи, чародеи, шаман (шаманы): «– Набеги, убийства со спины, да и от *бесовщины вогульской* много кто с ума спятил.» [Строганов, с. 15]; «– Через *вогульское бесовство* души крали, – прямо ответил Осташа.» [Иванов, 2005, с. 392]; «И *бесов* же истязельцы запрягали здешних, *вогульских*.» [Иванов, 2005, с. 460]; «Пели над Колвой колокола, вторили им вечерние песни плотовщиков и работниц, а на том берегу, если слушать с самых дальних плотов, можно было различить, как вторгались в густоту звона глухие удары *вогульских бубнов*.» [Северный, с. 25]. «Похоже, и вправду Конон да Герман *вогульское ведовство* к своему истязельчеству пристегнули.» [Иванов, 2005, с. 252]; «И вот узнала про Еленку *вогульская великанша*, ведьма-яга, что сидела в пещере Переволочного камня.» [Иванов, 2005, с. 537]; «– Младенцев он там, что ли, жрет – *по вогульской вере?* – хрипло спросил Осташа» [Там же, с. 244]; «*Вогульские демоны* видят только лодку, душу, а бурлаков не видят.» [Там же, с. 458]; «Не шагнешь, как в полынью, в морок и в ледяной огонь *вогульского камлания*.» [Там же, с. 390]; «Клады, должно быть, на Чусовой и вправду имелись: тайники на древних *вогульских мольбищах*» [Там же, с. 20]; «Ну натравил Шакула на солдат *вогульскую нежить* из урманов – так ведь это не значит, что солдаты не пройдут» [Там же, с. 387]; «Здесь на крик человека нелюдским откликом отзывалось эхо – голос *вогульской лесной нечисти*.» [Там же, с. 539]; «Вот и сама она стоит у мачты струга, золотоволосая осквернительница *вогульской святыни!*» [Северный, с. 180]; «На вершине Кокуя, как серые зубы, еще торчали из земли столбы священных *вогульских чамий*.» [Иванов, 2005, с. 175]; «Народ рассказывал, что этот каменный заплот перед Ермаком поперек реки ставили *вогульские чародеи*.» [Там же, с. 504]; «Бобыль Седой священнодействовал, как *вогульский шаман!*» [Северный, с. 214]; «Надоело хлестать по мурлам пьяных дьяков, отучая от лихоимства; помогать владыке Симону в спорах о силе христовой веры с *вогульскими* верховными *шаманами* и князьками.» [Северный, с. 14].

Значимость данной концептуальной области подтверждает образование на основе данных словосочетаний фразеологизмов, в частности, сравнительных оборотов как *вогульский болванчик*, как идол *вогульский*: «Сел в солому над Осташей, как *вогульский болванчик*, и тихо бормотал»

[Иванов, 2005, с. 280]; «Что сидишь, как *идол вогульский*?» [Северный, с. 89].

Насыщенной этническим компонентом является также концептуальная область «жилище, поселение». Пермские писатели используют маркер «вогульский» по отношению к словам деревенька (деревни, деревушка), жилища, паули, становища, стойбища, чумы: «Это была *вогульская деревенька* со смешным названием Бабенки» [Иванов, 2005, с. 593]; «*Вогульская деревня* казалась пасекой – чумы торчали словно борти, накрытые на зиму колпаками из сена» [Там же, с. 358]; «А за Дуниной горой слева на лугу показалась русская деревня Луговая, с укором смотревшая через реку на *вогульскую деревушку* Копчик.» [Там же, с. 595]; «Отгораживаясь от реки, он всем на зло выставил по берегу ряд красноротых идолов, которые словно охраняли свальный грех *вогульских жилищ*.» [Там же, с. 595]; «Пожгём маленько *вогульские паули*, да самих попытаем.» [Строганов, с. 225]; «Сейчас даже в рассветной мгле виден на льду мусор, черные полосы санных дорог, пешеходные тропки к варницам, слободкам, выселкам и *вогульским стойбищам*.» [Северный, с. 135]; «Слева на обрывчике показались макушки *вогульских чумов* и односкатных избушек с рогатыми лосиными черепами на концах стрех.» [Иванов, 2005, с. 593].

Достаточно часто актуализируется и такая концептуальная область, как «одежда, обувь»: «Обутки у Досифея – охотничьи, лесные *вогульские ичиги* сыромятной кожи, поверх шерстяных, крестьянской вязки, носков из козьей шерсти.» [Северный, с. 26]. «Когда путники отъехали и уже были вблизи монастырских ворот, с той ели, что обратила на себя внимание Строганова, комом упал человек в *вогульской одежде*.» [Северный, с. 264]; «Так незаметно до того обжились, что и про Русь редко вспоминали и даже одеваться стали в *вогульские одежды* из звериных шкур.» [Там же, с. 143]; «Она была одета в меховую *вогульскую рубаху*, заправленную в штаны.» [Иванов, 2005, с. 253]; «Кукла. Мешок, набитый соломой и обретенный в *вогульскую ягу*.» [Там же, с. 695].

Представитель «чужого» этноса в исследуемых текстах часто называется конкретно, а именуется просто иностранцем: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо *иностранца*.» [Строганов, с. 278]. Ту же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности, выполняет лексема «иноплеменные»: «– Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к *иноплеменным!*» [Там же, с. 262].

Одной из особенностей функционирования этнонимов является генерализация этнонимического значения. Так, лексема *немец* означает не представителя определенной национальности, а чужого вообще: «– Выхлебат, сколь ни поставь. Обык он уже, Дуро-то. А не поставишь – ничё будто и не понимает, глядит. Чё ему – *немец*. – Не *немец*. Хранцуз. – Да всё одно – *немец*.» [Турова, с. 101].

Атрибуты «своей» культуры, напротив, называются конкретно. Русские, русская казна, русские интересы, русский царь – все эти этнонимы и сочетания с этническими маркерами выполняют функцию реально-

исторической достоверности: «Мутная пелена воды размазывала, скрывала очертания, укрывая от глаз притаившихся в укрытии *русских* движения вражеского бойца.» [Строганов, с. 206]; «Иоанн смог совершить и давно замышляемое богомолье в Вологду, и восстановить активные переговоры с Елизаветой по отправке ей *русской казны*» [Там же, с. 231]; «Иоанн клял на чем стоит свет рыжую английскую потаскуху и, не считаясь с великим ущербом *русских интересов*, жаловал англичан все большими привилегиями.» [Там же, с. 231]; «Только о том, что долготерпив и милосерд *русский царь!*» [Там же, с. 236].

Представитель «чужой» культуры, сталкиваясь реалиями русского культурного пространства, чувствует себя неуютно: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца и не придал значения, когда этот нелепый, заплутавший в *русских снегах* незадачливый купец, отчаянно размахивая руками, бросился ему навстречу.» [Там же, с. 278]; «Деревья гулко скрипели, проклиная пришедшего к ним *чужака*, предсказывая ему забвение и погибель.» [Там же, с. 194]. То же чувствуют русские, попадая в пермяцкие леса: «Даром все лето порты, лазая по камням, да лесам пермяцким драли.» [Там же, с. 245]. Человеку страшно оказаться в окружении всего «чужого»: «– Да как же без Руси да среди вогул? – удивился Снегов. – Они *своих-то* не жалуют, а *чужаков* и подавно!» [Там же, с. 191].

Яркой репрезентацией оппозиции «свое – чужое» являются наречия *по-нашенски*, *по-русски*, *по-казацки*, *по-турски* и другие, отражающие особенности поведения того или иного этноса: «– Вот это *по-нашенски!* – казак обрадованно посмотрел уходящему Бенедикту вослед.» [Там же, с. 142]; «– Кончай выщупывать чертеняк, ступай в терем. Сами дознаваться станем. *По-русски.*» [Там же, с. 142]; «– Дозволь мне, за дружка милого, пыгнуть ее *по-казацки*, без клятой премудрости! Все мигом скажет!» [Там же, с. 141]; «Василько, в одном исподнем, сидел *по-турски* на змеином камне и лепил фигурки из хлебного мякиша.» [Там же, с. 34].

Многие этические и нравственные оценки отражаются через оппозиции. Так, традиции и мораль этнографической группы русских *кержаки* противопоставляются укладу жизни русских: «После кондовых *кержацких* посадов стыд было смотреть на *русскую* нищету и голь.» [Иванов, 2005, с. 594]. У людей, принадлежащих к одной нации, но разным этнографическим группам, возникает проблема взаимопонимания: «Кержакам душу православную не понять, молчи уж!» [Там же, с. 516].

Русский сокол бьётся насмерть с *татарским балабаном*, но нет победителя в этой битве: «Роня перья, татарский балабан рухнул в Чусовую... Русский сокол-сапсан покружил с победным кличем, сел на берег и окаменел.» [Там же, с. 509].

Напротив, некоторые этнические имена стоят в одном ряду на шкале этической оценки: «Что *остяки* на Иртыше, что *вогулы* на Чусовой – всё одно.» [Там же, с. 359]; «*Истяжьельство* – то же *беспоповство*, только с вогулами и для сплавного дела.» [Там же, с. 240].

Таким образом, не только сами этнические имена, но и различные об-

разования от них, в частности, отэтнотимные прилагательные, являются средством вербализации категории этничности, существующей в языковой картине мира. Писатель, являясь носителем национальных стереотипов, отражает в художественном произведении определенные черты национальной картины мира, через этническую маркировку явлений реализует оппозицию «свое – чужое». Поэтому представляется необходимым не только описание этнотимикона (этнотимов и отэтнотимных образований) художественного дискурса, но, возможно, и лексикографическая интерпретация собранного материала в виде приложений к региональным этнотимическим словарям.

Литература

Анисимова Е.А. Содержание представлений студентов о своем и чужом этносе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Т. 2. Челябинск, 2008.

Березович Е.Л. «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: прагматический аспект // Вопросы ономастики. 2005. № 2.

Иванов А. «Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе» // Филолог. 2004. № 4.

Иванов А. Золото бунта. М., 2005.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985 – 1987. М., 1989.

Северный П. Сказание о Старом Урале. М., 2009.

Сироткина Т.А. «Свое» и «чужое» в наивной картине мира (на примере этнотимии Пермского края) // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург; Горловка, 2010.

Строганов М. Камни господни. СПб.; Крылов, 2006.

Турова Е. Кержаки : проза. Пермь, 2007.